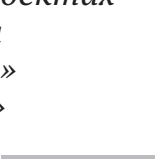

Алексей Бегак

Известный художник, дизайнер, архитектор, ведущий программы «Правила жизни» на телеканале «Россия-Культура».
Алексей окончил художественную школу и институт им. Сурикова. Работал в книжных издательствах как художник-иллюстратор, оформив издания о Герберте Уэлсе, Конан Дойле, Хемингуэе, Рильке, Пастернаке, Цветаевой и многие другие. Получил признание как художник — его картины расходятся по частным коллекциям, а так же выставляются в российских и иностранных галереях.
В качестве дизайнера интерьеров и архитектора Алексей создал множество проектов в России и за рубежом.
Много лет Алексей Бегак ведет телевизионные проекты на федеральных каналах — сначала в программах «С новым домом!» и «1000 мелочей» на телеканале «Россия-1», а затем и на канале «Россия-Культура» в проектах «Большая опера», «Гений», «Правила жизни» и снова на канале «Россия-1» в программе «Дежурный по стране» с Михаилом Жванецким.

Вместо предисловия

Художник может писать картины и не особо рассчитывать на скорый успех; писатель может работать «в стол» в надежде, что его прочитают будущие поколения, — телевидение нужно делать здесь и сейчас и делать хорошо. Но как понять — делаешь ты хорошее телевидение или плохое, что может быть индикатором качества?

Вот несколько примеров, которые вселяют в меня надежду.

Индикатор первый — мнение профессионалов. В продюсерской компании «М-Продакшн» (генеральный продюсер Марго Кржижевская), где мы делаем программу «Правила жизни», есть особая конкуренция среди операторов (а всё это высококлассные профессионалы) за право снимать именно нашу программу, снимать и, значит, присутствовать в студии и быть свидетелями всего, что в студии происходит, смотреть и слушать разговоры наших гостей.

Индикатор второй — случайные встречи со зрителями и их реакции. Бывают просто ошеломительные эпизоды: однажды в финской глубинке стою я в молочном отделе гастронома. Мне нужно сливочное масло. По-фински я не читаю. Обращаюсь к какой-то пожилой даме по-английски: «Мадам, что здесь масло, а что маргарин?» «Вот это масло», — говорит дама. «А еще я хочу вам сказать, пользуясь случаем, что мне очень нравится ваша передача».

И третье и, пожалуй, самое главное и наивысшая награда — это когда получаешь письмо со словами:

«Совсем устал жить, но ваш сюжет в последней программе перевернул мое сознание. Теперь жить смысл есть».

Не скрою, я и сам не без греха уныния, и «Правила жизни» для меня — такая же подпитка, как и для многих телезрителей. И когда я чувствую, что сделал дело хорошо, что разговор получился и получится вся программа, тогда усталость забывается, — тогда я счастлив.

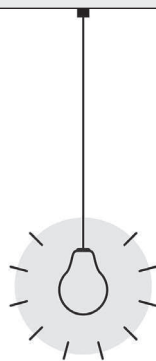
Но я и мои собеседники — это только верхушка айсберга, это то, что видят телезрители. Устойчивость и значимость этому айсбергу обеспечивает наша команда, которая работает слаженно и так по-семейному дружно: редакторы Ольга Кржижевская, Маша Ракчеева и Виктория Кочиева, на плечах которых лежит вся работа по контактам с гостями и логистике; главный оператор Станислав Светланов, профессионализм и дотошность которого, порой доводящая остальных членов команды до бешенства, обеспечивают нашему проекту такую блестящую «картинку»; режиссер Наталья Попова, благодаря которой у программы такой особый имидж; директор Алексей Рылеев, который делает всё, чтобы у всех членов команды была возможность эффективно работать; Катя Ливергант, шеф-редактор нашей программы, а точнее сказать — ее мозг, и, наконец, Сергей Шумаков, генеральный продюсер канала «Культура», который этот проект сочинил.

Книга, которую вы держите в руках, объединяет мои встречи с людьми, чей главный интерес — мозг человека. Однажды я спросил Татьяну Черниговскую: «Если сравнить наши представления о Вселенной и о мозге человека — что, по-вашему, менее познано?» Черниговская ответила не задумываясь: «Мозг».

А. Бегак

**Татьяна
ЧЕРНИГОВСКАЯ**

«ПРАВИЛА ЖИЗНИ»

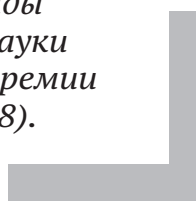
Татьяна Владимировна Черниговская

Доктор наук по физиологии и теории языка, член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры общего языкознания СПбГУ, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук. Член межведомственной рабочей группы «Приоритетные и междисциплинарные научные исследования» Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию.

Член Президиума Российской ассоциации содействия науке. Член Объединенного научного Совета по общественным и гуманитарным наукам Санкт-Петербургского научного центра РАН.

Член Академии наук Норвегии.

Почётный член Семиотического общества Финляндии. Лауреат Золотой медали РАН за выдающиеся достижения в области пропаганды научных знаний в номинации «Науки о жизни» за 2017 год. Лауреат премии «Общественное признание» (2018).

Почему знать про мозг модно?

Не только мне совершенно очевидно — в последние десятилетия очень вырос интерес человека к самому себе, своему внутреннему устройству. И мы теперь знаем, как работают все наши органы. Вернее, все, кроме одного, — нашего мозга. Я сказал «нашего мозга», но мозг, он вроде бы наш, но не в полной мере. Во всяком случае, я свой своим до конца не ощущаю.

Это значит, вы реалист. Потому что, очень наивный человек или, или человек, который просто очень мало знает, может уверенно сказать: «Это мой мозг». И как бы он его владелец. Потому что, вообще-то говоря, оснований для этого нет.

Действительно, в последние годы стало очень модной темой про мозги говорить и их изучать. И поскольку этим заняты крупнейшие коллективы мира, есть *The Human Brain Project**, есть азиатские проекты, есть несколько проектов американских. В эти проекты вкладывают огромные деньги.

* Масштабный научно-исследовательский проект по изучению человеческого мозга, основанный в 2013 году в Женеве (Швейцария) и координируемый Генри Марккрамом. Проект в значительной степени финансируется Европейским Союзом и предусматривает создание совместной информационной инфраструктуры. В проекте участвуют сотни учёных из 26 стран и 135 партнерских институтов.

Почему я про это говорю? Потому, что, как мы понимаем, в мире желтого дьявола никто просто так цент не потратит. Но я бы сказала, если вдруг удастся узнать про мозг больше, чем мы знаем сейчас (а все нам не удастся узнать никогда), то человек, который обладает этой информацией, конечно, победитель всего сразу. Потому что это изменит образование, промышленность, коммуникации. В каком смысле? В том, что лучше всего всё, что я перечислила, и гораздо больше умеет делать мозг.

Вы еще одну штуку не перечислили. Может быть, это как раз правильно. Потому что тот, кто поймет про мозг почти все, он часть информации, скорее всего, засекретит.

Да, абсолютно точно. Это совершенное, как бы сказать мягче, устройство. Хотя это, конечно, не компьютер в привычном нам смысле слова. Это совершенное нечто, которое умеет делать с огромной скоростью такие вещи, которые мы даже не можем представить себе.

Обычно говорят: мозг — это компьютер. Он, конечно, компьютер, но как минимум не один по типу. Потому что в нем есть часть, которая занимается вычислением, и это более или менее понятно. Но есть вторая часть, которая не цифровая, а аналоговая процедура. И с этим связано искусство, интуиция, запахи, то есть вкусы в прямом смысле; а еще метафоры, литература, поэзия и вообще все, что на самом деле составляет нашу цивилизацию. Наша цивилизация состоит не из хорошо сделанных мясорубок, она состоит из Леонардо, Дюрера, Моцарта и дальше по списку.

Можно ли говорить, что мозг познан не больше, чем Вселенная?

Во все глубины океана пока мы не заглядывали, но в принципе человек знает уже очень много, что находится на планете.

Можно сказать, что мозг — это самое неизвестное на сегодняшний день вообще науке?

Я считаю, что да. В одной из дискуссий прямо был задан вопрос: что сложнее — Вселенная или мозг? И два специалиста по мозгу, это не были домохозяйки, ответили: конечно, мозг сложнее. Я понимаю, что это так, это игривый ответ. Потому что, ну, мы же про Вселенную знаем, прямо скажем, не сильно много. Но кое-что предполагаем. И, во всяком случае, надеемся, что общие законы — физические, химические, математические, наконец, — действуют во всей Вселенной.

Поэтому мы можем, зная небольшой кусочек, как бы транспонировать это на другие куски. Так вот, по отношению к мозгу такого не наблюдается.

И мы, конечно, находимся в очень сложной ситуации, потому что вынуждены изучать свой мозг своим же мозгом. То есть мы же изнутри.

Да, пассатижами схватить пассатижи.

Да. То есть это жуткая вещь. И как сказал академик Лекторский*, мозг находится в мире, а мир находится в мозгу. Вот это жутко на самом деле, мы же

* Владислав Александрович Лекторский (род. 1932) — советский и российский философ, специалист в области теории познания, психологии и философии науки.

в капкан попали. А именно: мы уверены, что внешний мир есть и что он не порождение нашего мозга. Я лишь отчасти намекаю на такие простые и дешевые ассоциации с фильмом «Матрица».

Можно ли предположить... это, конечно, баловство такое, которое мы можем с вами сейчас позволить. Что мозг действительно — это не наша штука? А малая часть, крохотная, данная нам в управление. Ну, в управление, пользование.

В пользование лучше, да.

Да, оперативная память. А все остальное не наше, поэтому и постепенно открывается нам по мере надобности чьей-то.

Сколько позволят.

То есть кто-то позволяет. Человек знает уже почти все про то, как он живет. Да? А про это не знает почти ничего.

Кстати, вот эти большие деньги, которые тратятся, там есть какой-то вектор хотя бы, ну, как бы, что ищут, где ищут? Что проверяют?

Вот это, кстати, очень хороший вопрос. Я отвечу с двух сторон на него.

Первый будет прямой ответ. Что ищут? Хотят понять, как функционирует эта штука, или этот монстр, или это устройство. Как его назвать, это уж дело хозяйское. Для того чтобы его повторить, например,

в искусственном интеллекте. Другой вопрос: зачем это делают и куда нас приведет?

Это другая тема.

Мы же хотим узнать, как что устроено. Хотя я сама работаю в этой области, мне кажется, это неправильный поиск.

Собственно, что мы ищем? Мы, получается, ищем адреса каких-то функций или чего-то, умений в структуре или даже в карте мозга.

Мы говорим: когда человек поет, то у него активируется это место. Когда он, там, краба ест — другое. Когда стихи пишет — третье. То есть мы ищем адреса.

Теперь мой вопрос к науке в целом. А зачем? Зачем мне знать адреса?

Я, как ученый, который занимается мозгом, задаю запретный вопрос. Разве это открывает нам какую-нибудь дверь?

Отвечаю: не открывает. Потому что, если мы надеемся, узнав, что делает каждая из частей мозга, мы узнаем, как он функционирует в целом, то это неправильная идея.

Потому что это не компьютер, который сделан из железа. Это даже не программа, которая по правилам работает. Он все время меняется. Он мягкий и в компьютерном смысле, и в настоящем смысле.

Станным образом ломается. Станным образом властвует над нами...

И поскольку он нам ничего не обещал, то, что вы снимете, скажем, из моей головы сегодня, когда я ем крабов или пишу музыку, завтра может измениться кардинальным образом.

Как Фуэнтос из «Чуда памяти» Борхеса.*

Вот-вот, к тому же он еще и меняется. Кроме того, этот страшный субъект, даже не объект, а субъект, который в нашей черепной коробке разместился, он ведь нам ничего не обещал. Он не обещал, например, что он будет выполнять статистические законы, которые требует наука.

Наука имеет правила игры — карты на бочку, то есть факты. И эти факты должны быть проверяемы. Это значит, я что-то делаю, а вы живете в Австралии, повторяете это максимально точно и получаете тот же результат. Вот этот номер с мозгом не проходит.

Может быть, он нам кинет сам же какую-нибудь подсказку? Просто из жалости. Ну, стоит немножко отпустить и сказать: да черт с тобой, живи, как хочешь. Он скажет: ну, ладно, хорошо, вот смотри.

Мне кажется, это единственный выход.

Наука так может себя вести иногда? Сказать, отпустить?

* «Фунес памятливым» (оригинальное испанское название «Funes el memorioso») — рассказ аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса, в других переводах «Фунес, чудо памяти» или «Фунес, помнящий». Борхес от первого лица рассказывает историю знакомства с Иренео Фунесом, молодым человеком, который после падения с лошади обрёл удивительную способность навсегда запоминать всё, что он почувствовал (видел, слышал, осязал и т. д.).

Да, я считаю, что да, наука может. Поскольку все серьезные ученые сейчас согласны, что мы на грани полной смены парадигм, наука должна что-то делать другое. Потому что чем мы занимаемся? Мы бесконечно собираем грибы и ягоды. Ну сколько их еще можно собирать? Уже все корзинки наполнены. Уже они засушены, замаринованы, сварено варенье. Уже все сделано. Сколько можно еще собирать? Здесь явно что-то нужно. Здесь нужен какой-то другой ход.

Мы мозгом изучали желудок, печень и почки. Может быть, начать изучать мозг и печень желудком?

А чего? Хорошая идея. Потому что вкусы-то мы осознаем, классифицируем и ранжируем мозгом. Ведь не печенка нам говорит, какое вино лучше. То есть, конечно, если у этой печенки цирроз, тогда другая история.

Тогда ей все равно, «Боржом» пить поздно.

Да-да. Но я имею в виду, что это же здесь все происходит. Потому что один и тот же напиток или один и тот же продукт, в смысле, съедобный для человека с разной культурой, с разным уровнем опыта и так далее, будет давать совершенно другую картину. Значит, мозг участвует и в этом. Причем не только механически, а именно запускает обмен веществ, и биохимию, и все это.

Действительно, мозг изучать собственно мозгом, как за волосы вытащить самого себя из болота.

Да, страшное дело. Вот, идея отпустить. Пускай оно само. Это же очень интересная вещь. Это знают все творцы, я имею в виду не с большой буквы Творец, а те, кто не алгоритмические, не механические вещи делает. Они уже знают, что если что-то не получается, то нужно оставить это в покое. Пусть оно как-то само сыграет.